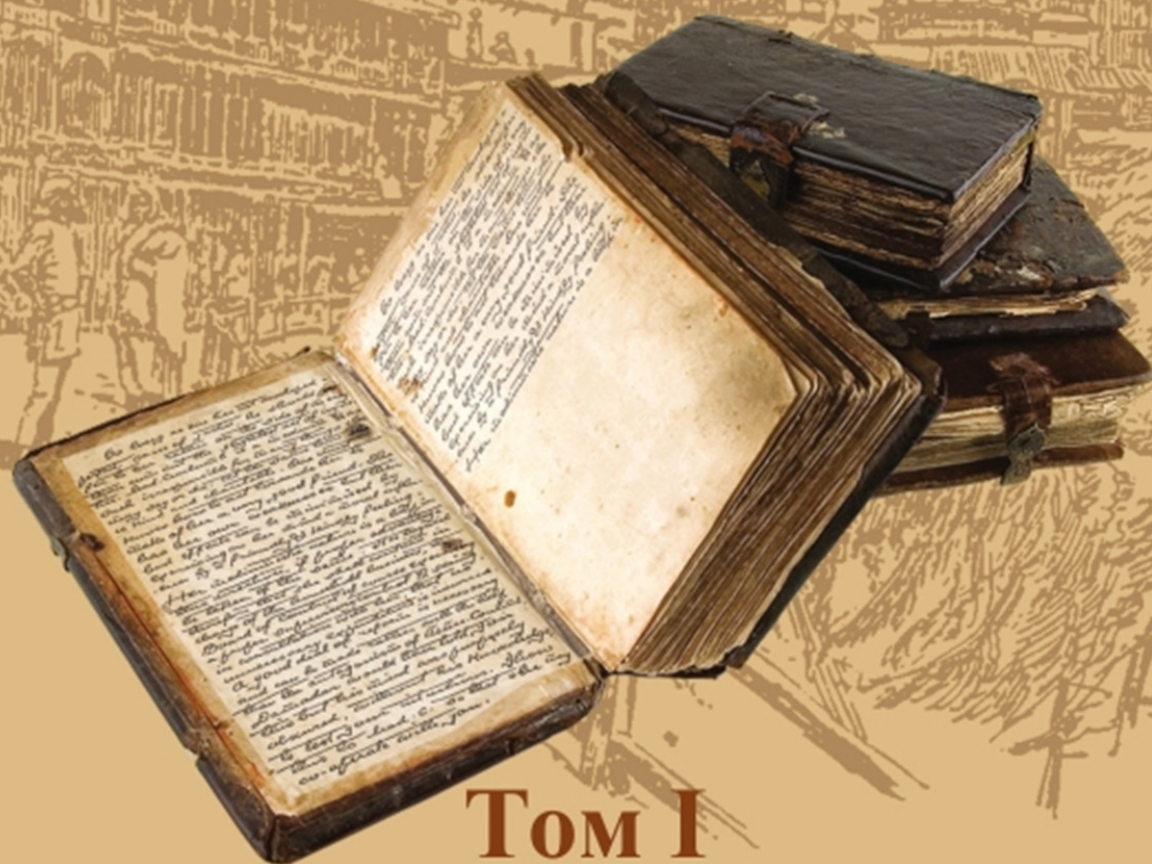

Генри С.Олкотт

СТРАНИЦЫ
СТАРОВОГО
ДНЕВНИКА

Том I

Генри Стил Олкотт

**Страницы старого дневника.
Фрагменты (1874-1878). Т. I**

«Автор»

УДК 821.111
ББК 84(3 Вел)

Олкотт Г. (.

Страницы старого дневника. Фрагменты (1874-1878). Т. I /
Г. (. Олкотт — «Автор»,

ISBN 978-5-93366-072-9

Генри Стил Олкотт (1832—1907) — один из основателей (вместе с Еленой Петровной Блаватской — Е.П.Б.) и первый президент Теософского общества, участник Гражданской войны в США, полковник, юрист, журналист и писатель, близкий соратник и помощник Е.П.Б. Многолетняя духовная связь и сотрудничество этих двух людей, а также увлечение Олкотта спиритизмом, месмерическими и другими таинственными, выходящими за границы понимания человеческим разумом, феноменами, удивительным даром вызывать которые обладала и сама Е.П.Б., — нашли отражение в Дневниках. Вот что сам автор говорит о своих записях: «Жизнь наша состояла из тысячи незначительных мелочей, и поскольку мне хочется придать своему рассказу ощущение жизненной реальности, я и упоминаю здесь о самых различных мелких событиях, которые помогают добавить к общей картине яркие детали и дают представление о нас, первопроходцах, как о вполне живых существах, а не как о нелепых абстрактных фигурах, какими нас нередко, к несчастью, изображали». Г. С. Олкотт приоткрывает завесу, покрывающую мистической тайной личность Е.П.Б., показывает её такой, какой она была в жизни: со своими человеческими недостатками и сверхчеловеческими достоинствами и способностями. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111
ББК 84(3 Вел)

ISBN 978-5-93366-072-9

© Олкотт Г. (.)

© Автор

Содержание

Предисловие переводчика	7
Глава 1	10
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Генри С. Олкотт
Страницы старого дневника.
Фрагменты (1874–1878). Т. I.

© Базюкин В. В., перевод, 2016

© Издательство «Дельфис», 2016

* * *

*Выражаем благодарность фирме ООО «Строительный Союз
Светлый» и Челпаченко С. А. за помощь в издании книги*

Предисловие переводчика

1885 год ворвался в жизнь Е. П. Блаватской как чёрный, катастрофический год: Общество психических исследований (ОПИ) вынесло свой беспрецедентный вердикт в отношении души и сердца теософского движения, к тому времени ширившегося по всему миру. То было время, когда теософское движение бурно и динамично развивалось, практически охватив собой все страны Европы, Соединённые Штаты Америки и многие государства Азии. Тысячи людей во всём мире потянулись к теософии в поисках ответа на вопросы: что есть Вселенная, как устроен мир, что такое жизнь и какова миссия человека в этом мире – вопросы, на которые не давали ответа ни наука, ни многочисленные религии. И вот теперь как будто всё было кончено. Честное имя Е. П. Б., казалось, отныне навсегда втоптанно в грязь, всё дело её жизни, любимое детище, ради которого принесено столько жертв, погибало у неё прямо на глазах, а она, так много умевшая и знавшая, была бессильна что-либо сделать... «Одна из самых ловких, изобретательных и интересных мошенниц в истории» – таково было клеймо, поставленное на основательнице Теософского общества Обществом психических исследований в печально знаменитом отчёте Ходжсона 1885 года. Это на ней-то, подарившей человечеству столько глубоких и пробуждающих мысль книг!

Конечно, пройдут годы, и спустя ровно столетие это самое Общество отречётся от своего же собственного заключения, признает, что «в ходе подробного исследования этого Отчёта становится всё более и более очевидно, что Ходжсон был заранее настроен на то, чтобы использовать любые доказательства, пусть даже самые ничтожные и сомнительные, чтобы только бросить тень подозрения на Е. П. Б., и в то же время он оставил без внимания все те обстоятельства, которые могли бы свидетельствовать в её пользу. Его отчёт сплошь состоит из предвзятых утверждений, домыслов, выдаваемых за реальные или возможные факты, из ничем не подтверждённых показаний анонимных свидетелей, случайного набора доказательств и откровенных подтасовок... Ходжсон не оправдал возложенного на него доверия и проявил себя ни на что не годным исследователем»¹.

Целый век понадобился Обществу психических исследований для того, чтобы провести новое тщательное расследование этого нашумевшего дела и восстановить наконец честное имя Е. П. Блаватской.

Но тогда, сто лет назад, кто мог на это надеяться, кроме, возможно, самой Е.П.Б.? И, тем не менее, уже в 1886 году в свет выходит книга под названием «Случаи из жизни госпожи Блаватской», написанная одним из ближайших сподвижников Е. П. Б., Альфредом П. Синнеттом, в которой он на примерах многочисленных феноменов, демонстрировавшихся Е. П. Б. в разные годы и засвидетельствованных авторитетными и не вызывающими ни малейших сомнений представителями британского общества, попытался опровергнуть выводы Общества психических исследований.

Предлагаемая читателю книга, «Страницы старого дневника», написанная одним из основателей и многолетним президентом Теософского общества Генри С. Олкоттом, отчасти преследует ту же цель. Необходимо сразу же предупредить читателя о том, что настоящее издание представляет собой лишь фрагменты первого и второго томов. Первый том «Дневника» начал выходить ещё на страницах журнала «Теософист» (*The Theosophist*) начиная с марта 1892 года (vol. XIII, No.6, March, 1892), то есть примерно через год после смерти Е. П. Б. А уже в виде книги он был опубликован в 1895 году. Дневник имеет ещё и красноречивый подзаголовок: «Правдивая история Теософского общества». Олкотт подошёл к своей задаче со всей ответственностью и свойственной ему педантичностью. На просторстве шести массив-

¹ V. Harrison. *J'Accuse*, S.P.R. *Journal*, vol. 53, April, 1986.

ных томов он подробнейшим образом, как летописец, восстанавливает всю историю Т.О. Он включает в текст множество документов, протоколов и стенографических отчётов различных собраний, решений и т. д.

Всё это, разумеется, крайне интересно, но мы решили не перегружать читателя массивом этих документов. Как истинный анналист, Г. Олкотт ведёт неторопливый рассказ о том, с чего начиналось Т.О., как оно развивалось и к каким результатам пришло к концу XIX века, охватывая в целом период с 1875-го по 1898 год. Готовя это издание, мы преследовали цель сосредоточиться не столько на фактах истории Общества, сколько на психологических портретах его главных представителей, и в первую очередь, конечно же, Е. П. Блаватской. Кому как не Г. Олкотту, человеку, прожившему бок о бок с этой удивительной женщиной долгие годы, было знать малейшие подробности её характера и видеть то, что оставалось закрытым для посторонних глаз.

Фигура самого автора книги, Г. С. Олкотта, сегодня не вполне однозначно оценивается в международном теософском движении. С одной стороны, он, безусловно, славный, мужественный герой Гражданской войны в США, скрупулёзный исследователь психических явлений в Вермонте в 1874 году, безупречность которых особо упоминает А. Конан Дойль в своей двухтомной книге «История спиритизма». «Он был, – пишет знаменитый автор рассказов о Шерлоке Холмсе², – человеком ясного ума и выдающихся способностей, наделённым к тому же высоким чувством чести. Читая очень полную и подробно изложенную историю его жизни, о которой он рассказывает в своих “Страницах старого дневника”, невозможно не испытывать чувства уважения к этому человеку – преданному до последнего своему делу, начисто лишённому эгоизма, наделённому редкой нравственной стойкостью, готовностью следовать одной лишь истине и принимать полученные результаты такими, какие они есть, даже если они противоречат твоим собственным ожиданиям и желаниям. Он был не мечтателем-мистиком, а весьма практичным человеком дела, но некоторые его наблюдения в области психических исследований не встретили того внимания, которого вполне заслуживают»³.

С другой стороны, очевидно, в Г. Олкотте со временем возникло и накапливалось глухое раздражение в отношении своего учителя. Так часто случается с людьми: в бесконечном ворохе событий даже самый великий человек обычно начинает казаться его близким вполне земным человеком и мало чем отличающимся от них самих. Такой психологический феномен хорошо известен. Действия этого феномена не избежал, за редким исключением, практически никто из числа близкого окружения Е. П. Б. Но, кроме того, два соучредителя Т.О. разделились и в своих взглядах на функции, которые должно выполнять Теософское общество в дальнейшем. По этой причине Учителям приходилось не раз вмешиваться в отношения между Е. П. Б. и Г. Олкоттом.

Так, в одном из своих писем Учитель К. Х. писал Г. Олкотту: «Вот что скажу я, чтобы вывести вас из нынешнего тупика: Е. П. Б. практически не касается никаких административных мелочей, её следует и в дальнейшем ограждать от них, насколько это возможно сделать с учётом её сильной натуры. Но вот что вы должны довести до всеобщего сведения: в том, что касается оккультных вопросов, она вольна делать всё что ей угодно. Мы не бросили её, она не “перепоручена каким-либо чела”. Она – прямой исполнитель нашей воли. Я предупреждаю вас о недопустимости того, чтобы подозрения ваши и возмущение по поводу “многих её дурачеств” взяли верх над вашей *интуитивной верностью* [здесь курсив мой – В.Б.] ей... Отметил я также для себя и ваши мысли по поводу «Тайной доктрины». Будьте вполне уверены в том, что всё не *указанное* ею как взятое из научной и иной литературы было передано или *внушено* ей нами.

² Мало кто знает о том, что популярный у нас в стране автор детективов являлся между прочим почётным президентом Международной федерации спиритизма, президентом Лондонского союза спиритуалистов, а также президентом Британского колледжа психических наук.

³ A. Conan Doyle. *The History of Spiritualism*, vol. I, London, 1926.

Любая ошибка и неверное утверждение, допущенные в работах других теософов, которые она исправляла и поясняла, *исправлялись мною или по моим указаниям*. Эта работа гораздо важнее своей предшественницы, это – краткое изложение таких оккультных истин, которые сделают книгу источником сведений и знаний для серьёзного ученика на долгие годы вперёд»⁴.

Кроме того, «полковник Олкотт дошёл почти до игнорирования оккультной основы Общества; он зашёл так далеко, что приблизительно в 1888 году Учитель К[ут] Х[уми] сказал Е. П. Блаватской: “Общество освободилось от нашего руководства и нашего влияния, и мы предоставляем его самому себе, ибо мы никого не держим в рабстве. Он говорит, что хочет спасти его? Он спас его тело, но из-за страха и опасений лишил его души; сейчас Общество представляет собой труп без души, машину, которая до сих пор функционировала довольно хорошо, но после его ухода она рассыплется на куски. Из трёх целей в нём занимаются только второй, это уже больше не братство и не тело, над которым витает дух, господствующий по ту сторону Великой Цепи. Его доброта и любовь к миру велики и по духу поистине Гаутамические, но он злоупотребил этой добротой»⁵.

Это раздражение и какое-то глубоко затаённое чувство обиды не могло не выплеснуться и на страницы книги полковника Г. Олкотта, хотя писал он её уже после смерти своего «дружища», как называл он Е. П. Б. Трудно согласиться с такими, например, строками: «Я бы не сказал, что по отношению к обычным людям, вроде меня и других её близких друзей, она отличалась особой верностью и преданностью... Вместе с тем она всей душой была предана своей тётушке, другим своим родственникам и Учителям, *ради дела которых она готова была пожертвовать не то что одной, а двадцатью жизнями и не моргнув глазом взирала бы на гибель всего рода человеческого в огне, если бы так было нужно* [курсив мой – В.Б.]». Почему-то гораздо больше хочется верить строкам, написанным, например, А. Синнеттом: «Язык её, когда она бывает охвачена приступом возбуждения, мог бы незнакомого с нею человека навести на мысль о том, что она и впрямь жаждет мщения и, будучи вне себя от ярости, готова и в самом деле обрушиться на своих врагов с самой бешеной мстостью, окажись те только в её власти. И лишь люди, близко знающие её, – а таких найдётся всего с полдюжины – вполне уверены в том, что, несмотря на всю эту бурю чувств, попади эти её враги и в самом деле к ней в руки, ярость её против них в одно мгновение лопнет как мыльный пузырь»⁶.

Но, будучи человеком, по оценке А. Конан Дойля, «наделённым высоким чувством чести», Г. Олкотт, конечно же, не мог не отразить в своей книге многих вполне реальных фактов, касающихся и жизни Е. П. Блаватской, и деятельности Теософского общества.

Наш пристальный интерес к личности Е. П. Б. не вызван желанием открыть и вытащить на свет Божий какие-то скандальные страницы её биографии – таких подробностей с избытком хватает и в псевдобиографических исследованиях, вышедших и до сих пор, к сожалению, выходящих как в России, так и за рубежом. Именно для того, чтобы овладеть как можно более обширными сведениями об истинных фактах её жизни, как можно глубже погрузиться в мир её чувств и мыслей и научиться отделять правду от лжи, до сих пор источаемой в некоторых «исследованиях», мы и предлагаем читателю эту книгу. Пусть она станет ещё одним камнем, положенным в фундамент нашего памятника благодарности великой нашей соотечественнице, книги которой и сто с лишним лет спустя не потеряли своей актуальности, широко читаются во всём мире, всё так же зовут человека к новым знаниям и открывают перед ним новые горизонты для нравственного совершенствования. Таков, если хотите, и наш патриотический долг перед ней.

В. В. Базюкин

⁴ Master K. H. *Letters from The Masters of the Wisdom*, First Series, Letter No.19.

⁵ *Записная книжка Е. П. Блаватской*. Цит. по: «Письма Мастеров Мудрости, 1870–1888». Москва, «Сфера», 1998.

⁶ A. P. Sinnett. *Incidents in the Life of Madame Blavatsky*. London, 1913, p. 238.

Глава 1

Встреча основателей

Поскольку рассказ мой пойдёт о том, как родилось и развивалось Теософское общество, то я должен вернуться к самому началу и вспомнить о том, как состоялась первая встреча двух его основателей. Всё произошло довольно прозаично. Я сказал: *Permettez moi, Madame*⁷ – и протянул зажигалку, чтобы она прикурила от неё свою сигарету. Из нашего первого знакомства, начавшегося в дыму, возгорелось большое и никогда не прекращавшееся пламя. Обстоятельства, которые свели нас вместе, были весьма примечательны, как это станет понятно из моего дальнейшего рассказа. Впрочем, отдельные факты уже публиковались в печати.

Как-то в июле 1814 года сидел я у себя в юридической конторе, размышляя над одним сложным делом, расследовать которое меня попросили городские власти г. Нью-Йорка, и мне вдруг подумалось, что вот уже несколько лет, как я перестал следить за движением спиритуалистов. Уж не знаю, что именно заставило меня перейти от мыслей о механическом устройстве счётчиков воды к современному спиритуализму, но, как бы то ни было, я отправился в лавку, расположенную за углом, и вернулся, держа в руках номер журнала «Знамя света».

В нём я прочитал о том, что, судя по рассказам, на одной ферме, находившейся под городом Читтенден в штате Вермонт, что в нескольких сотнях миль от Нью-Йорка, происходят невероятные явления: например, уплотнение форм призраков. Я тут же подумал, что если всё это правда и посетители действительно могут наблюдать, трогать и даже разговаривать со своими умершими родственниками, которым каким-то образом удаётся настолько восстанавливать свои тела и одежду, что на какое-то время они обретают способность оставаться плотными, видимыми и осязаемыми, то ничего важнее этого в современной физической науке просто нет. Я решил отправиться туда и увидеть всё собственными глазами.

⁷ Позвольте, мадам... (франц.)

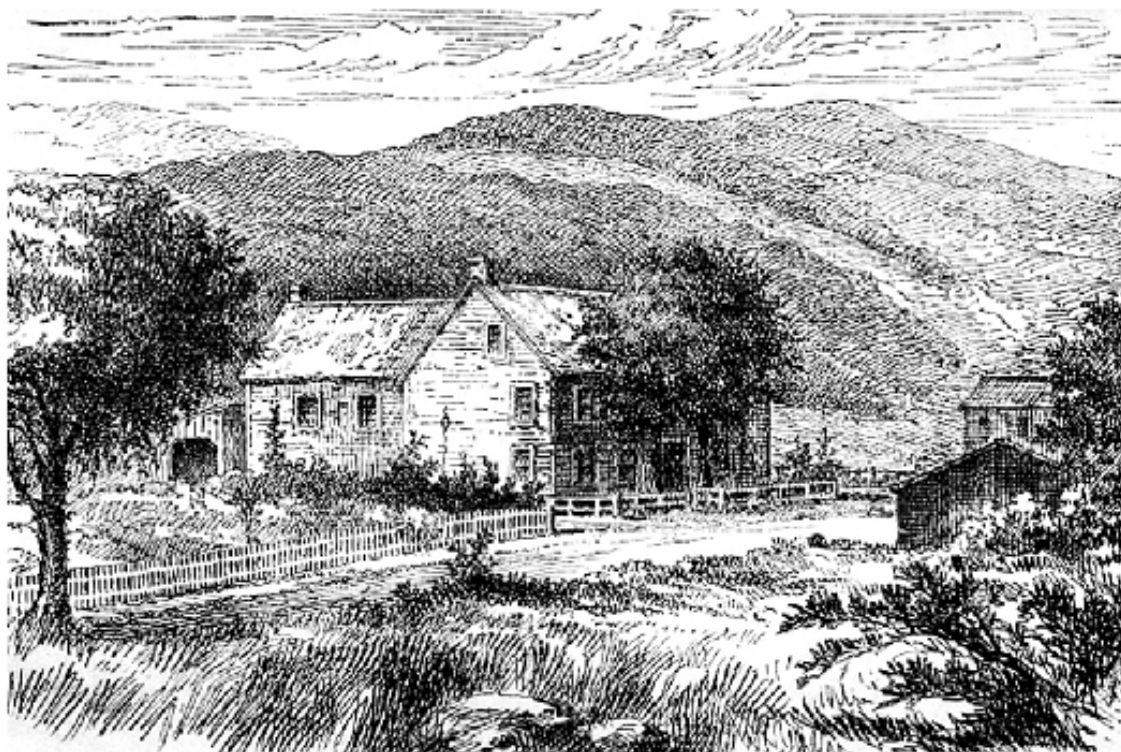
Г. Олкотт в период военной службы

Я действительно побывал в указанном месте, нашёл там полное подтверждение того, о чём прочитал в журнале, пробыл там дня три-четыре, после чего вернулся в Нью-Йорк. В газете «Нью-Йорк Сан» я опубликовал отчёт об увиденном, который в виде многочисленных перепечаток затем широко разошёлся по всему миру – настолько серьёзны и интересны были собранные в нём факты.

Тогда редактор другой газеты, «Нью-Йорк Дэйли Грэфик», предложил мне вернуться в Читтенден и вместе с художником, который передавался в моё полное подчинение, провести тщательное расследование обстоятельств дела уже для этой газеты. Мне и самому всё это было так интересно, что, сделав необходимые распоряжения, связанные с деятельностью своей конторы, я вернулся 17 сентября на ферму Эдди – такова была фамилия семьи, которая ею владела и там проживала.

Остановился я в этом окружённом призраками таинственном доме и ежедневно в течение двенадцати недель, если мне не изменяет память, мог наблюдать явления самого необычайного свойства. Между тем два раза в неделю в «Дэйли Грэфик» появлялись мои репортажи, рассказывавшие о «призраках Эдди». Каждый такой репортаж выходил вместе с рисунками привидений, которых собственными глазами видели и мой художник, мистер Кэппс, и я сам, и все остальные посетители – а число их на ферме порой доходило до сорока, – присутствовавшие в «комнате для сеансов»⁸. Публикация этих писем и привела мадам Блаватскую в Читтенден и свела нас, таким образом, друг с другом.

⁸ В книге «Люди из иного мира» я описал все эти явления, а также систему проверки, которую я придумал и применил, чтобы исключить возможность обмана.

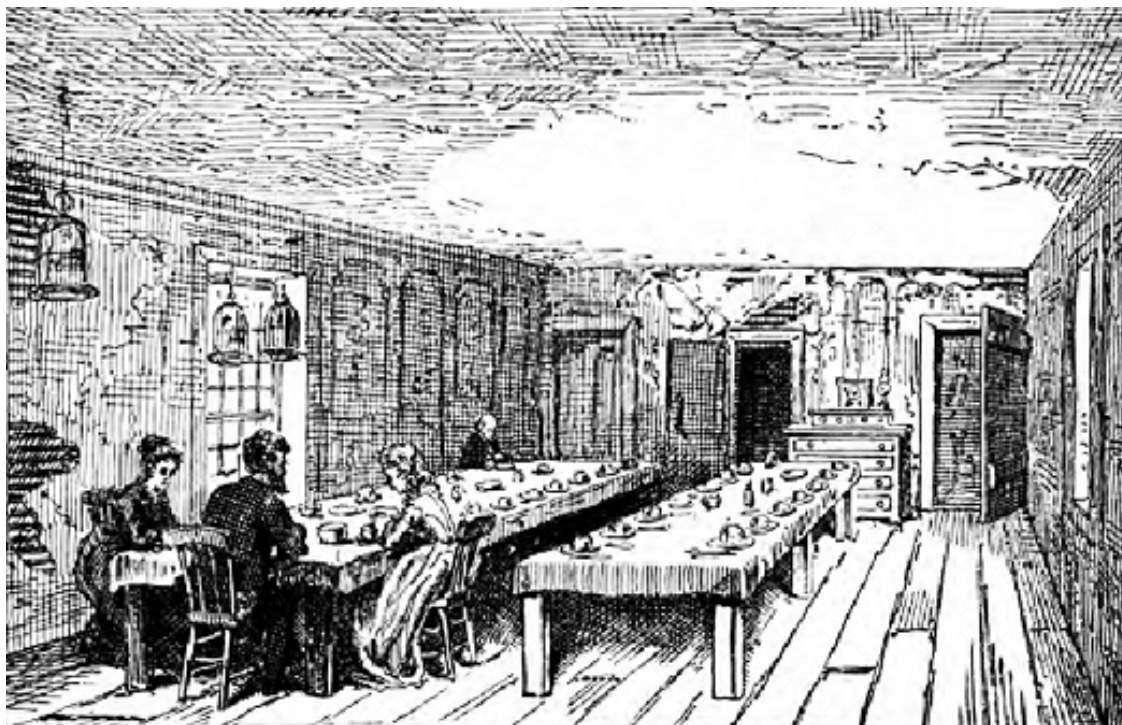

Ферма Эдди, Читтенден

Первый день нашего знакомства я помню совершенно отчётливо – так, как будто это случилось лишь вчера. Кстати говоря, о многих обстоятельствах нашей встречи я уже рассказывал в своей книге «Люди из иного мира» (*People from the Other World*⁹, с. 293 и далее). Стоял солнечный день, и даже мрачный старинный дом на ферме выглядел вполне приветливо. Он расположен в чрезвычайно живописной долине, куда со всех сторон сбегают густо поросшие травой склоны гор, покрытых до самых своих вершин зеленеющими рощами. Бабье лето было в полном разгаре, и всю местность окутывала тонкая голубая дымка, подобная той, что дала название и горам Нилгири¹⁰. Прежде зелёная листва берёз, вязов и клёнов, уже побитая первыми заморозками, теперь представляла собой яркие золотисто-багряные пятна, и казалось, будто всё вокруг устлано роскошными коврами. Нужно побывать в Америке, чтобы воочию наблюдать этот осенний наряд природы во всём его великолепии.

⁹ Судя по всему, статьи Г. Олкотта, которые легли в основу этой книги, переводились Е. П. Б. (Еленой Петровной Блаватской) на русский язык по мере их выхода в свет и регулярно посылались в русском переводе А. Н. Аксакову. О судьбе этого русского перевода ничего не известно. (См. об этом: Н. Р. Blavatsky. *Collected Writings*, vol. I, p. 2. – *Прим. перев.*.)

¹⁰ Голубые горы Нилгири в Индии. – *Прим. перев.*

Столовая в ферме Эдди

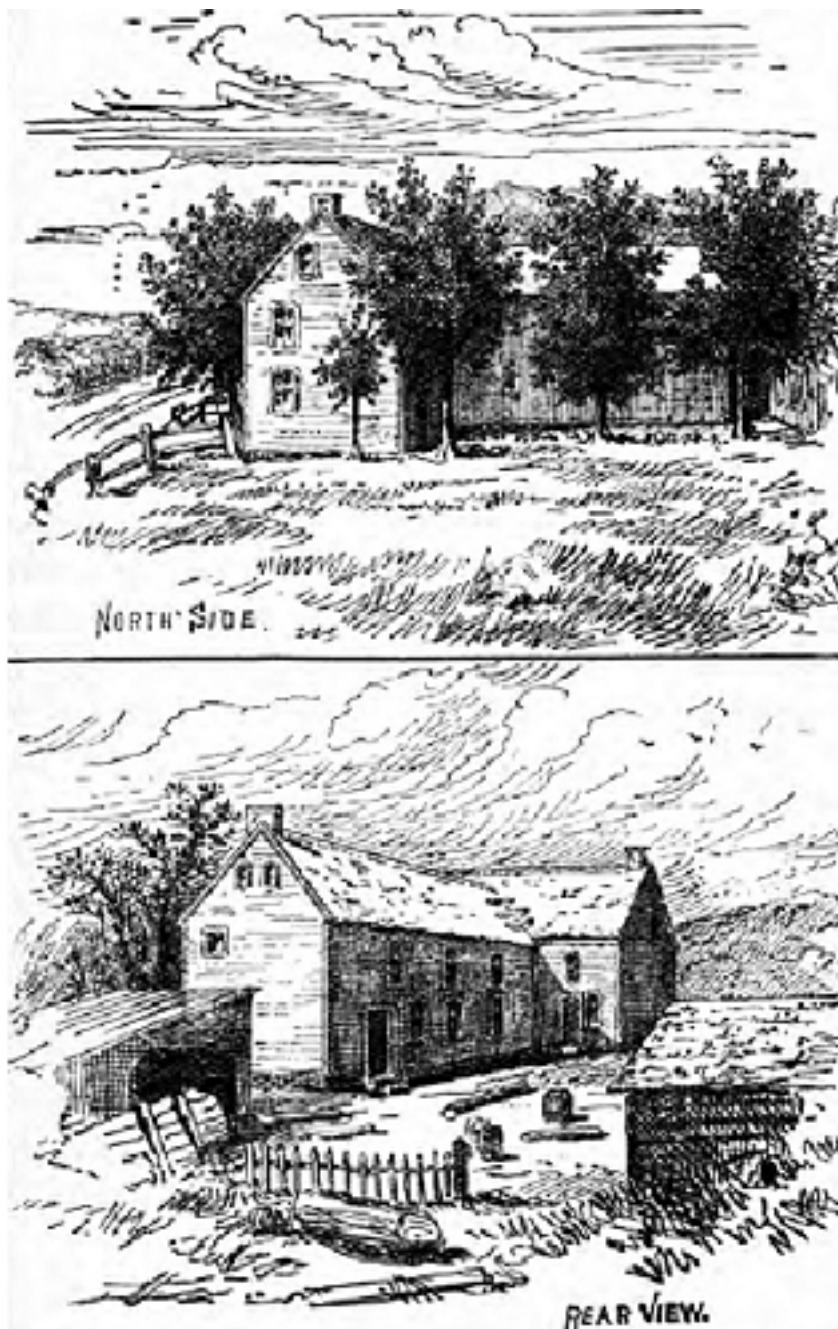
Обед у Эдди подавался в полдень, и вот, войдя в голую и неудобно обставленную столовую, Кэппс и я впервые увидели Е. П. Б. Незадолго до полудня она приехала на ферму вместе с сопровождавшей её канадкой-француженкой, и, когда мы вошли в столовую, они уже сидели за столом. Мне сразу же бросилась в глаза её алая гарибальдийская рубаша, которая явно выбивалась из окружавшего её унылого цветового фона. На голове – густая копна светлых волос, остриженных выше уровня плеч, шелковистых и волнистых до самых своих корней, так что они чем-то напоминали тончайшую шерсть котсуолдской породы овец. Вот эти её волосы и красная рубаша и привлекли моё внимание к ней еще до того, как я успел приглядеться к её внешности.

У неё было крупное лицо с явно калмыцкими чертами, выказывавшее внутреннюю силу, национальный склад характера и властность и так же удивительно контрастировавшее с ничем не примечательным обликом присутствовавших в комнате людей, как её красная рубаша – с серо-белой окраской стен и унылооднообразной одеждой остальных посетителей.

Чтобы увидеть медиумические феномены, на ферму к Эдди беспрерывно стекались самые экзотичные личности, и тогда мне подумалось, что эта экстравагантная дама – всего лишь одна из них.

Задержавшись в дверях, я шепнул Кэппсу: «Боже правый! Ты только взгляни на это...» Я направился через всю комнату и уселся прямо напротив неё, чтобы предаться своему любимому занятию – изучению характера людей на основании их внешности. Дамы вели¹¹ между собой разговор по-французски на какие-то малозначительные темы, но, судя по её выговору и беглости речи, я тут же решил, что она, если и не парижанка, то, по крайней мере, законченная учёная дама из Франции.

¹¹ В одном из своих искромётных ответов некоему американскому хулителю она рисует забавный автопортрет: «Старуха – ну сколько ей может быть лет! Ну сорок, пятьдесят, шестьдесят или девяносто, неважно. Калмыцко-буддийско-татарские черты лица этой старухи даже в юности мешали ей выглядеть привлекательной. Это женщина, нескладные наряды которой, грубые манеры и привычки, более свойственные мужчинам, способны напугать до полусмерти любую затянутую в корсет изящную даму из приличного общества» [см. её письма. Письмо «Кнут» в: «Религиозно-философский журнал» (R. P. Journal) в номере за 16 марта 1878 г.] (См. Н. Р. Blavatsky, *Collected Writings*, vol. I, p. 319. – *Прим. перев.*)

Ферма Эдди: вид сбоку и сзади

После обеда обе дамы вышли во двор, где мадам Блаватская скрутила себе сигарету, а я, чтобы завязать беседу, предложил ей прикурить от моей зажигалки. Поскольку я обратился к ней по-французски, то и весь последующий наш разговор мы вели на этом языке. Она спросила меня, как долго я уже тут нахожусь и что я думаю о здешних феноменах, при этом заметила, что сама она чрезвычайно интересуется подобными вещами и приехала в Читтенден под впечатлением от прочитанных ею репортажей в «Дэйли Грэфик»: интерес в обществе к этой теме настолько велик, что иногда уже через час после выхода газеты в газетных киосках невозможно найти ни одного номера, и она выложила целый доллар, чтобы заполучить в руки последний номер.

– Я не сразу решила приехать сюда, – сказала она, – поскольку опасалась встретиться здесь с полковником Олкоттом.

– А что заставляет вас так опасаться его, мадам? – спросил я её.

– О! Боюсь, ему захочется написать и про меня в своей газете.

Я ответил ей, что на этот счёт она может быть совершенно спокойна, так как, уверен, полковник Олкотт не станет упоминать её имени в своих репортажах без её личного на то согласия. И тут я представился ей.

Мы подружились в одну минуту. И она, и я одновременно почувствовали, что оба принадлежим к одному и тому же классу людей, космополитов и вольнодумцев, и что узы, которые связывают нас друг с другом, гораздо крепче тех, что соединяют со всем остальным обществом, среди которого, впрочем, встречались люди и умные, и вполне достойные. В нас говорил голос нашего общего интереса к высшей, оккультной стороне человеческой природы и природы, мы испытывали друг к другу притяжение душ, а не полов. Ни тогда, в самом начале нашего знакомства, ни впоследствии ни один из нас не ощущал принадлежности другого к противоположному полу. Мы были просто друзьями – так мы и смотрели друг на друга, так и называли друг друга. Время от времени находились низкие люди, осмеливавшиеся предположить, что нас объединяет нечто большее, чем просто дружба. Точно так же они полагали, будто эта несчастная, внешне малопривлекательная, всеми преследуемая Е. П. Б. заводила любовные интрижки и с многими другими людьми, но у всякого по-настоящему чистого человека не могло остаться и тени подобных мыслей, стоило ему какое-то время побыть в её (обществ) и убедиться, что каждый её взгляд, каждое её слово и каждый поступок наглядно свидетельствовали об отсутствии у неё половых чувств вообще¹².

Прогуливаясь, мы говорили друг с другом о феномене Эдди и аналогичных явлениях, отмеченных в других местах. Как я от неё узнал, она много путешествовала по миру, повидала немало оккультных явлений и была знакома с Адептами оккультных наук, но вначале она ни единым словом не намекнула ни на существование гималайских мудрецов, ни на наличие особых способностей у неё самой. Она говорила о том, что американские спиритуалисты заметно тяготеют к материализму, а сам этот спиритуализм представляет собой какую-то оргию феноменов в сочетании с достаточно слабым интересом у участников сеансов к философской стороне вопроса. Манеры её были обаятельны и изящны, а критические суждения о людях и вещах оригинальны и остроумны. Ей было крайне интересно узнать о том, что я сам думаю по поводу этих духовных явлений, и она была обрадована, узнав, что интуитивный ход моих мыслей шёл в русле тех же принципов оккультизма, которые исповедовала она сама. Она рассуждала не как восточный мистик, а, скорее, как тонкий спиритуалист. Я в то время ничего, или почти ничего, не знал о восточной философии, а она поначалу не заговаривала на эту тему и сама.

Сеансы, которые устраивал Вильям Эдди, главный медиум семьи, происходили каждый вечер в просторном зале, расположенном на втором этаже в боковом крыле здания, прямо над общей столовой и кухней. Он сам и брат его Горацио представляли собой самых обычных работяг-фермеров. Горацио занимался хозяйственными работами вне дома, а Вильям, после того как посетители хлынули к ним со всех концов Соединённых Штатов, стряпал на кухне. Это были люди бедные, малообразованные и твёрдо следовавшие своим раз и навсегда установившимся убеждениям, а порой проявлявшие и явную недоброжелательность по отношению к своим непрошеным гостям.

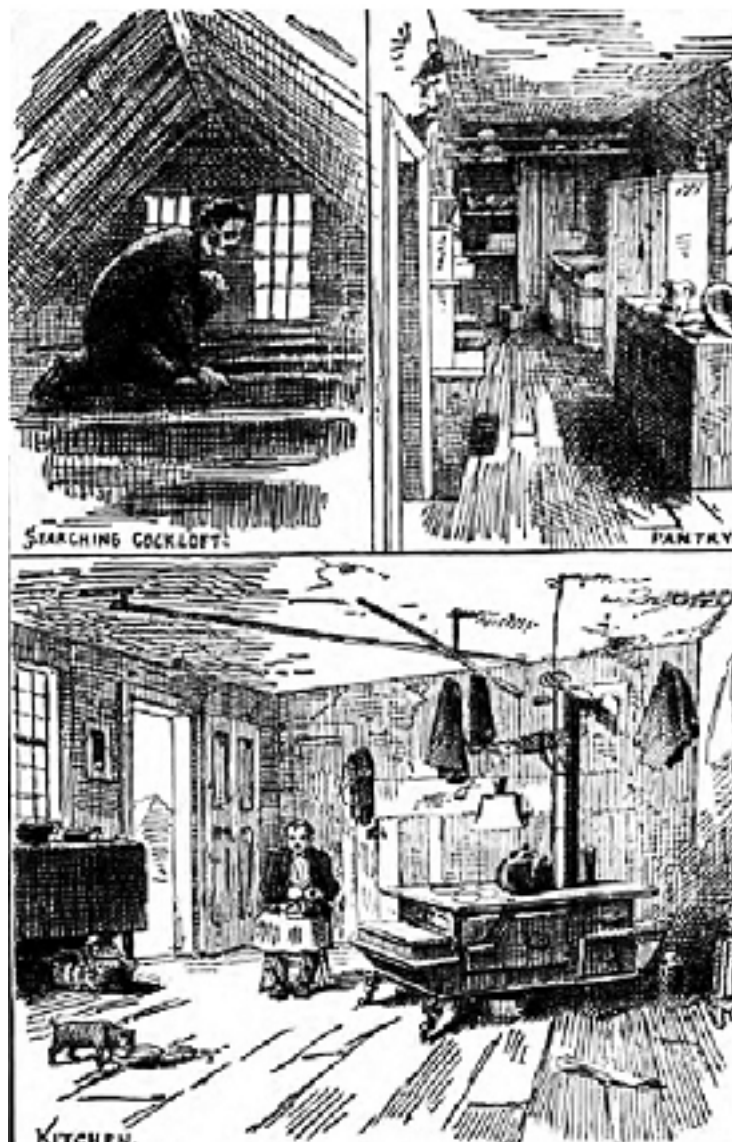
¹² Я и до сих пор придерживаюсь этой точки зрения, несмотря на все так называемые «признания» в шалостях молодости, которые содержатся в отдельных её письмах, написанных некоему русскому джентльмену и не так давно опубликованных в книге «Современная жрица Изиды». Одним словом, я считаю свою собственную оценку её половой чистоты правдой, а все её мнимые признания – ложью, чистой бравадой.

Вильям Эдди

В дальнем конце зала для сеансов находился довольно высокий дымоход, поднимавшийся из кухни снизу и выходивший на крышу дома. Между дымоходом и северной стеной здания имелось небольшое пустое пространство, глубина которого составляла примерно столько же, сколько и высота дымохода, то есть 2 фута 7 дюймов¹³, – там-то Вильям Эдди и устраивался в ожидании начала феноменов. Было похоже, что он не умел контролировать их ход, а просто сидел и ждал, пока те не начнутся сами собой. Вход в нишу закрывался одеялом, так что внутри неё царила полная темнота. Спустя какое-то время после того, как Вильям входил в нишу, одеяло вдруг откидывалось в сторону, и из ниши выходила вперёд фигура того или иного умершего: мужчины, женщины или ребёнка, – похожая как бы на ожившую статую. Какое-то время фигура эта сохраняла свою плотность и осязаемость, но уже в следующий миг вдруг растворялась в воздухе без следа, становясь совершенно невидимой. Иногда это растворение происходило прямо на глазах у присутствующих зрителей.

¹³ Примерно 63 см. – *Прим. перев.*

До появления здесь Е. П. Б. выходившие к зрителям фигуры представляли собой или краснокожих индейцев, или американцев и европейцев той же внешности, что и собравшиеся на сеансе гости. Но в первый же вечер после её появления в зале к нам стали выходить и призраки людей других национальностей.

Среди них был грузинский мальчик-слуга с Кавказа, мусульманин-купец из Тифлиса, русская девушка-крестьянка и другие.

На следующий вечер нам явился всадник-курд, вооружённый кривой турецкой саблей, пистолетами и копьём. Затем перед нами возник безобразный негр-колдун из Африки, похожий на самого дьявола. На голове у него была надета корона, сделанная из четырёх рогов антилопы, а на кончиках висели бубенцы. Корона эта соединялась с расшитой узорами, яркой и пёстрой лентой, повязанной вокруг его головы. После него появился какой-то европейского вида джентльмен, на груди у которого были видны крест и лента Святой Анны, – в нём мадам Блаватская признала своего дядюшку.

Появление таких фигур в комнате для сеансов у этих бедных, почти неграмотных вермонтских фермеров, не располагавших ни деньгами для покупки театрального реквизита, ни

опытом в его использовании, даже если бы реквизит этот у них и оказался, ни помещения, где бы костюмы можно было надевать, – все эти соображения для каждого присутствовавшего в зале зрителя представлялись убедительным доказательством реальности видений.

Материализация призраков

В то же время они показывают, что мадам Блаватская обладала необычайной способностью притягивать к себе эти образы, вызывая их из того, что на Востоке называют *Кама-локой*. Я же лишь долгое время спустя узнал, что она вызывала их тогда с помощью своих особых, превосходно развитых могущественных сил. Она подтверждает это и сама в собственноручно написанной записке, хранящейся в нашем «Альбоме для вырезок Т.О.» (*T. S. Scrap-Book, vol. I*) и приложенной к вырезке из (лондонского) журнала «Спиритуалист» за январь 1875 года.

Из «Альбома для вырезок»: знакомство Е. П. Б. с Г. Олкоттом 14 октября 1974 г. в Читтендене.

Рукой Е. П. Б. написано: «Занавес поднят»

За всё то время, пока она находилась в Читтендене, Е. П. Б. поведала мне множество историй, случившихся в её жизни, в том числе и о том, как вместе с несколькими другими женщинами-европейками она участвовала в качестве добровольца в кровопролитном сражении у Ментаны на стороне Гарибальди. В подтверждение своих слов она показала мне свою левую руку, которая в двух местах была перебита саблей, а также дала мне пощупать те места в своём правом плече и на левой ноге, где засели пули от мушкета. Показала она и шрам, расположенный у неё прямо под сердцем, – след от удара, нанесённого кинжалом. Эта рана у Е. П. Б. открылась, пока она находилась в Читтендене, и она, обратившись ко мне за помощью, вынуждена была показать мне свои раны. Она рассказала мне о своих удивительных, порой опасных приключениях, в числе которых была и история, связанная с призраком того самого африканского колдуна в короне из рогов антилопы, которого она видела ещё живым во время феноменов, производимых им в Верхнем Египте много лет тому назад.

Е. П. Б. изо всех сил старалась заронить во мне сомнения в ценности феноменов Эдди, поскольку феномены эти демонстрируют всего лишь власть духов над умом медиума. Если мы не имеем дело с обманом, говорила она, то являющиеся нам призраки – не что иное, как «двойник» самого же медиума, который выходит непосредственно из его тела и способен принимать самые разные облики. Но я не поверил ей тогда и возражал, говоря, что являвшиеся нам формы слишком резко различаются между собой и ростом, и телосложением, и внешностью, а поэтому не могут представлять собой маскарад самого Вильяма Эдди. Скорее всего, говорил я ей, они и есть то, кем кажутся, а именно: духами мёртвых.

Наши споры порой принимали довольно горячий характер, так как тогда я ещё слишком мало знал о пластичной природе человеческого «двойника», не имел ни малейшего представ-

ления о восточном учении *о майе*¹⁴, а потому и не понимал смысла того, на что мне намекала Е. П. Б. Однако, по её словам, в результате наших споров она убедилась в моей несклонности принимать что-либо на веру и в готовности упрямо отстаивать то, что я знаю или полагаю, что знаю сам. Дружба наша росла день ото дня, и к тому времени, когда она собралась уезжать из Читтендена, я уже присвоил ей прозвище Джек, которым она и стала подписываться в своих письмах ко мне из Нью-Йорка. Расстались мы добрыми друзьями, готовыми продолжить столь приятно начатое знакомство.

В ноябре 1874 года, когда расследования мои подошли к концу, я вернулся в Нью-Йорк и нанёс ей визит на Ирвинг-плейс, 16, где она тогда проживала. Там она устроила для меня несколько сеансов, во время которых стол наклонялся в разные стороны, слышались различные постукивания, мы передавали и получали по буквам различные послания, и все эти феномены были связаны в основном с неким невидимым разумным существом, называвшим себя Джоном Кингом. Тогда, сорок лет назад, это имя было широко известно среди завсегдатаев медиумических сеансов во всём мире. Впервые о нём услышали в 1850 году в «комнате духов» у Джонатана Кунса в Огайо, где существо это заявило о себе как о главе одного или даже нескольких племён духов. Позднее оно представлялось уже как блуждающая по земле душа знаменитого пирата сэра Генри Моргана. Именно в этом качестве оно представилось и мне. Оно показало мне своё лицо и покрытую тюрбаном голову в Филадельфии, когда я проводил расследования, связанные с медиумами Холмсами, вместе с покойным Робертом Дэйлом Оуэном, которого я чрезвычайно высоко почитал, генералом Ф. Дж. Липпиттом и мадам Блаватской (см. «Люди из иного мира», часть II).

Джон Кинг и разговаривал со мной вслух, и писал мне письма, причём чаще всего именно писал. У него был весьма причудливый почерк, и изъяснялся он в крайне необычной староанглийской манере. Тогда я нисколько не сомневался в реальности Джона Кинга, поскольку, как мне казалось, я получил все убедительные доказательства его личности, какие только можно получить. Но теперь, когда я хорошо знаю о способности самой Е. П. Б. производить «майявические» (то есть гипнотические) иллюзии и управлять действиями элементалов, я убеждён, что «Джон Кинг» представлял собой просто плута-элементала, которым она управляла, как марионеткой, и пользовалась в качестве наглядного пособия в моём обучении. Дело в том, что все продемонстрированные им феномены были совершенно реальны, но производившее их существо вовсе не являлось развоплощённым духом *человека*. А кроме того, я – о чём уже писал выше – получил и фактическое доказательство этого, написанное её собственной рукой и включённое в наш «Альбом для вырезок» (*Scrapbook, vol. I*).

Она поддерживала во мне эту иллюзию в течение нескольких месяцев – сейчас, по прошествии времени, я уже не могу вспомнить, сколько именно, – и я наблюдал множество феноменов, произведённых мнимым Джоном Кингом, подобных, например, всей серии удивительных феноменов в доме Холмсов в Филадельфии и в доме самой Е. П. Б. Сначала этот Джон Кинг представлялся в качестве самостоятельной личности, затем это был Джон Кинг, слуга и посыльный живых Адептов, но никогда им не равный, и, наконец, Джон Кинг стал самым обычным элементалом, которым пользовались Е. П. Б. и ещё один некий чародей, чтобы творить свои чудеса.

Было бы бессмысленно отрицать, что всю первую половину своей жизни в Америке она называла себя спиритуалисткой и горячо защищала спиритуализм и медиумов от нападков богословов и других злобных клеветников. Её письма и публикации в различных американских и английских журналах содержат многочисленные свидетельства того, что она занимала именно

¹⁴ Майя (*санскр.*) – иллюзия. Согласно учению, о котором говорит Г. Олкотт, окружающий человека физический мир есть всего лишь обман зрения, иллюзия, мнимая, а не подлинная реальность. – *Прим. перев.*

такую позицию. В качестве иллюстрации мне хотелось бы просто привести здесь следующие её слова:

«Что же до этого вопроса, то я лишь исполняла свой долг. Во-первых, долг перед спиритуализмом, который я, как могла, защищала от клеветы, прячущейся под слишком прозрачной маской науки. Во-вторых, перед двумя беззащитными и оклеветанными медиумами... Но, должна признаться, я и в самом деле не считаю, что принесла какую-то пользу самому спиритуализму... И признаю я этот факт с глубокой сердечной скорбью, ибо начинаю думать, что тут уже ничего поделать нельзя. Вот уже более пятнадцати лет я сражаюсь за благословенную истину, я объездила много стран, проповедуя её и с белоснежных вершин Кавказа, и в песчаных долинах Нила, – хотя и не являюсь прирождённым оратором. Я доказывала людям его истинность как на практике, так и методом убеждения, прибегая к помощи логики. Ради спиритуализма я покинула свою родину, отказалась от беззаботной жизни в цивилизованном обществе и превратилась в странницу, блуждающую по земле. Я уже видела, как надежды мои начинают сбываться, превосходя самые радужные ожидания, но тут злосчастная звезда моя привела меня в Америку. Зная, что страна эта является колыбелью современного спиритуализма, я приехала сюда из Франции, испытывая почти те же чувства, какие испытывает каждый мусульманин, приближаясь к родине своего Пророка» и т. д., и т. п. (*Письмо Е. П. Б. в журнал «Спиритуалист» от 13 декабря 1874 года*)¹⁵.

Те два «беззащитных медиума», о которых идёт здесь речь, – это Холмсы, о нравственных качествах которых я никогда не был высокого мнения. Тем не менее в соответствии с выдвинутыми мною условиями проверки, и я, и покойный Роберт Дэйл Оуэн, и генерал Липпитт *в присутствии Е. П. Б.* засвидетельствовали наблюдение ряда медиумических феноменов, произведённых самым убедительным и наглядным образом. В глубине души я подозревал, что производившая их сила исходила из *самой Е. П. Б.* и что, действуй Холмсы в одиночку, я наблюдал бы с их стороны либо обман, либо нулевые результаты. Сегодня, листая старые бумаги, я обнаружил собственноручно написанное Е. П. Б. заявление, которое со всей очевидностью предназначалось для публикации после её смерти:

«Важное заявление

Да, я с сожалением должна заявить о том, что во время того постыдного разоблачения медиумов Холмсов я *вынуждена была* объявить себя спиритуалисткой. Мне пришлось спасти положение, ведь *для того я и была направлена из Парижа в Америку, чтобы доказать возможность феноменов и их реальность, а также указать на ошибочность спиритуалистского учения о духах.* И как ещё я могла тогда поступить, чтобы решить эту задачу наилучшим образом?

Я не хотела, чтобы люди вообще знали о том, что я умею *делать то же самое*, но уже по собственной воле. У меня был приказ не выдавать себя, и при этом я должна была сохранить впечатление реальности, истинности и *возможности* подобных феноменов в сердцах всех тех людей, которые, отказавшись от материализма, обратились к спиритуализму, но теперь из-за разоблачения нескольких медиумов разочаровались и в нём и вернулись к прежнему скептицизму. Вот почему, выбрав нескольких

¹⁵ Н. Р. Blavatsky, *Collected Writings*, vol. I, p. 46. – *Прим. перев.*

достойных человек, я отправилась к Холмсам и с помощью М¹⁶ и его чудесных *сил* извлекла лица Джона Кинга и Кэти Кинг из астрального света, произвела феномен материализации и тем самым позволила самым широким кругам спиритуалистов убедиться в том, что всё произошло благодаря медиумическим способностям миссис Холмс. Она сама была тогда страшно напугана, так как понимала, что *на сей раз* явление призраков происходит по-настоящему. Разве же я поступила неправильно? Мир пока не готов понять философию оккультной науки, а потому пусть люди сперва убедятся в том, что невидимый мир действительно населён некими существами – “духами” ли мёртвых или элементалами, – неважно, и пусть они узнают, что в человеке существуют скрытые силы, способные превратить его в *бога* уже на земле.

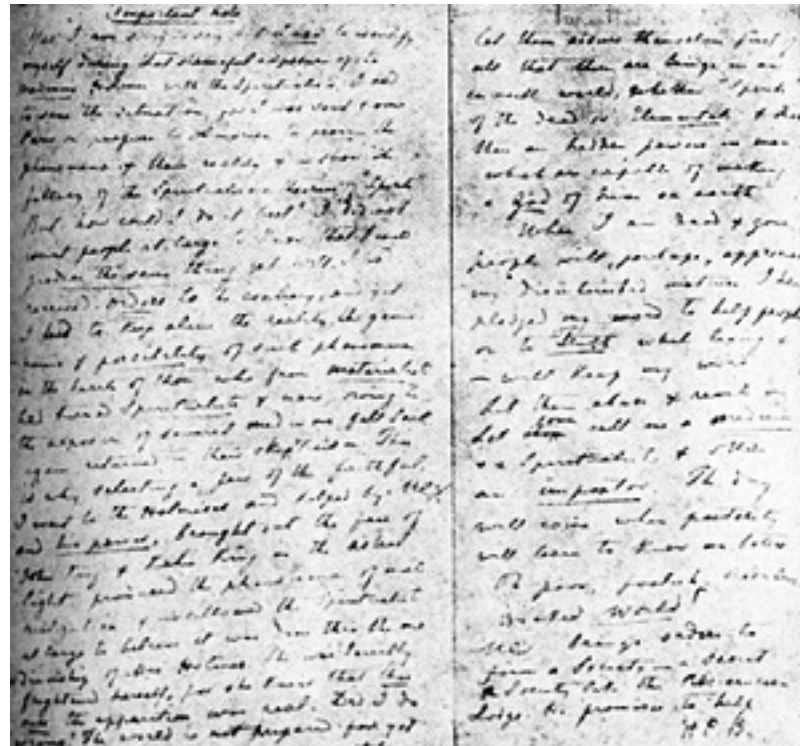
Когда меня не станет, люди, надеюсь, смогут оценить по достоинству всю бескорыстность моих действий. Я поклялась, пока жива, помогать людям в поиске *Истины*, и я сдержу своё слово. И пусть они поносят меня и осыпают бранью, пусть кто-то называет меня медиумом и спиритуалисткой, а другие – мошенницей. Придёт день – и людям станет известно обо мне многое из того, о чём они не знают сегодня. О, бедный, глупый, доверчивый и порочный мир!»¹⁷.

Итак, все точки в приведённом заявлении окончательно расставлены: тот спиритуализм, проповедовать который ей было поручено в Америке и который должен был прийти на смену грубому западному медиумизму, представлял собой восточный спиритуализм, *Брахма Видью*. Поскольку же Запад был ещё не готов признать его, то первым её поручением стала защита реальных феноменов, происходивших в «кружках», от исполненного предвзятости и злобы врага всякой духовной веры – материалистической, схоластической физической науки, представленной в лице её ярых поборников и вождей.

Самой насущной задачей нашего века стала задача остановить распространение материалистического скептицизма и укрепить духовную базу для религиозных устремлений. Вот почему, вступив в сражение, она заняла сторону американских спиритуалистов и какое-то время сражалась под их знамёнами. Без сомнения, последующие поколения воздадут должное всему, сделанному ею.

¹⁶ Учителя М. (Мория). – Прим. перев.

¹⁷ Г. Олкотт не привёл здесь последнюю строчку заявления, которая звучит следующим образом: «М... велит создать Общество – тайное общество наподобие Ложии розенкрейцеров. Он обещает свою помощь» (см. Н. Р. Blavatsky, *Collected Writings*) – Прим. перев.

Текст заявления, вклеенного в «Альбом для вырезок»

Как бы хотелось мне припомнить тот самый первый феномен, который она произвела, уже признавшись, что пользуется для этого собственной силой воли, но у меня ничего не получается. Должно быть, это случилось вскоре после того, как она приступила к работе над «Разоблачённой Изидой», и, кажется, случилось это так. Съехав со своей квартиры на Ирвинг-плейс, 16 и навестив своих друзей, живших за городом, она какое-то время снимала квартиру в другом доме, расположенном всё на той же Ирвинг-плейс, но уже по соседству с клубом «Лотос», и на той же самой стороне улицы. Именно там чуть позднее состоялось и первое неофициальное собрание наших друзей, на котором я предложил образовать то, что впоследствии стало известно под названием Теософского общества.

Е. П. Б. в 1875 г.

В числе её гостей был и один итальянский художник, некий синьор Б., в прошлом карбонарий. Мы с ней сидели вдвоём в гостиной, когда он впервые нанёс нам визит. Они заговорили о событиях в Италии, и тут он неожиданно произнёс имя одного из величайших Адептов. Она вздрогнула, как от электрического удара, посмотрела ему прямо в глаза и сказала (по-итальянски):

– Что такое? Я готова.

Он пропустил её слова как бы мимо ушей, но весь последовавший затем разговор касался вопросов магии, магов и Адептов. В конце концов синьор Б. встал со своего места и, подойдя к одному из французских окон гостиной, открыл его настежь, после чего сделал несколько пассов, обращённых прямо в воздух снаружи. Вдруг в раскрытое окно влетела белая бабочка и стала кружиться под самым потолком. Е. П. Б. весело рассмеялась и сказала:

– Весьма мило, но я это тоже умею!

Она тоже подошла к окну, сделала такие же пассы, и вдруг в комнату влетела вторая белая бабочка. Она поднялась к потолку, бросилась вдогонку за первой, время от времени пытаясь заигрывать с нею, после чего она вместе с первой залетела в угол комнаты и принялась догонять первую, а затем в одно мгновение... обе исчезли прямо на наших глазах.

– И что всё это значит? – спросил я.

– Всего лишь то, что синьор Б. умеет превратить элементала в бабочку, но это умею делать и я.

Насекомые были ненастоящими. Они были просто иллюзией.

Припоминаю я и другие примеры *якишии видьи*, как сказали бы индусы, то есть её умения управлять элементалами. Один из самых первых заключался в следующем. В один из холодных зимних вечеров, когда улицы были усыпаны снегом в несколько дюймов толщиной, мы с ней вдвоём работали над её книгой, сидя в квартире на 34-й улице. Работа затянулась допоздна. В тот день за обедом я съел много солёного и около часа ночи почувствовал сильную жажду.

– Вот бы отведать сейчас винограду, – сказал я.

– Хорошая мысль, – отозвалась она. – Сейчас отведаем.

– Но магазины-то уже давно закрыты, где же мы его возьмём? – спросил я.

– Неважно, мы его всё равно сейчас отведаем, – ответила она.

– Но каким образом?

– Сейчас увидишь, если уменьшишь свет в газовом светильнике, который стоит на столе перед нами.

По случайности я повернул ручку горелки слишком сильно и погасил пламя совсем.

– Не нужно было гасить светильник совсем, – сказала она, – я ведь просила только приглушить в нём свет. Зажги его скорее снова!

Под рукой у меня находился коробок спичек, и мгновение спустя светильник снова горел.

– Смотри! – воскликнула она, указывая на полку, висевшую на стене перед нами. К моему крайнему удивлению, я увидел, что с шишечек, расположенных по бокам полки, свисают две крупные грозди спелого чёрного винограда, который мы тут же с наслаждением и принялись есть. На мой вопрос о том, что за силы она привела в действие, она ответила, что это дело рук некоторых элементалов, которые находятся под её началом. Впоследствии, пока мы продолжали жить в нашем «ламасерии»¹⁸, как мы называли свою квартиру, она ещё дважды производила аналогичный феномен, позволявший нам лакомиться свежими фруктами, работая над «Изидой».

Мало-помалу Е. П. Б. поведала мне о существовании восточных Адептов и их удивительных способностях, а целым рядом поразительных феноменов она убедила меня в том, что обладает полной властью над оккультными силами природы. Поначалу, как я уже говорил, она объясняла это тем, что ей помогает «Джон Кинг» и якобы именно его дружелюбию я обязан своим первым личным общением с Учителями. У меня сохранились многие их письма, на которых я собственноручно проставил даты получения.

Долгие годы, почти до самого нашего переезда из Нью-Йорка в Индию, я в качестве ученика поддерживал связь с Африканской секцией Оккультного братства. Однако позже, когда в Е. П. Б. произошли некоторые удивительные психофизиологические изменения, которых я не могу здесь касаться и о которых вплоть до сегодняшнего дня никто даже не подозревает, хотя находится рядом с ней и, как полагает, пользуется её полнейшим доверием, я был переведён в Индийскую секцию – в отдельную группу, которой руководили Учителя.

В мире существует и всегда существовал, можно сказать, один-единственный подлинно альтруистический союз, или братство, этих Старших Братьев Человечества, однако союз этот поделён на несколько секций – в соответствии с конкретными потребностями человечества, последовательно проходящего все этапы эволюции. В одну эпоху внимание этих могущественных помощников мира сосредоточено на каком-то одном участке, в другую – на другом. Оставаясь невидимыми для людей, ничем не выдавая своего существования, они, как и животворящие духовные потоки *акаши*¹⁹, производят крайне необходимую работу для духовного благополучия человечества, и из века в век ни на минуту не останавливается приток их объеди-

¹⁸ Ламасерий – ламаистский монастырь. – Прим. перев.

¹⁹ Акаша (*санскр.*) – тончайшая сверхчувственная духовная эссенция, пропитывающая собой всё пространство вселенной. – Прим. перев.

нённой божественной энергии, неизменно придавая силы всякому земному страннику-пилигриму, устремлённому навстречу Божественной Реальности.

Скептики отрицают существование Адептов по той лишь причине, что никогда их не видели лично, никогда не беседовали с ними и ни в одной исторической книжке не встречали ни одного упоминания об их зримом вмешательстве в ход событий на Земле. Но об их существовании были прекрасно осведомлены тысячи стихийных мистиков и филантропов всех времён, очищенные души которых позволили им подняться из грязи мира физического и погрузиться в сверканье духовного сознания, и в самые разные эпохи они (Адепты) вступали в личное общение с теми людьми, которые посвящают или стремятся посвятить себя целиком бескорыстному делу объединения всего человечества в единое братство.

Кому-то из этой категории людей, людей весьма скромных и, очевидно, ничем не заслуживающих этой чести, – вроде нас, руководителей движения, развернувшегося вокруг Теософского общества, – посчастливилось завоевать их симпатию и оказаться в числе их учеников. Другим же, таким как Дамодар²⁰ и Е. П. Б., довелось их впервые увидеть в своих детских и отроческих грёзах, а третьим они являлись в необыкновенном обличье в самых неожиданных местах. Я был представлен им Е. П. Б. при посредничестве той силы, которая благодаря моему предшествующему опыту уже не представляла для меня никакой загадки, – это был всё тот же осеняющий «дух»-медиум.

Именно Джон Кинг привлёк ко мне внимание со стороны четырёх Учителей, из которых один был коптом, другой – представителем александрийской школы неоплатоников, третий – венецианцем (занимавшим чрезвычайно высокое положение и являвшимся как бы Учителем Учителей), а четвёртый – философом-англичанином, продолжавшим жить, хотя и исчезнувшим из поля зрения людей. Учитель-копт и стал моим самым первым Гуру и при этом самым суровым моим воспитателем, обладавшим замечательно сильным характером.

Со временем именно от них я и узнал о том, что Е. П. Б. являлась их верным служителем, хотя отдельные особенности её темперамента и свойства характера и отталкивали некоторых из них от сотрудничества с ней. В этом не окажется ничего странного, если мы вспомним, что эволюция каждого отдельно взятого человека, как Адепта, так и самого рядового смертного, протекает в определённом луче Логоса, и человек пребывает в духовной гармонии с остальными душами данного луча, а потому на физическом плане может испытывать неприязнь по отношению к воплощённым сущностям из другого луча. В этом, пожалуй, и состоит главный принцип того, что принято называть магнетической, аурической или психической симпатией и антипатией.

Но, каковы бы ни были на то причины, некоторые Учителя не могли работать и не работали вместе с Е. П. Б. В то же время с другими работа эта успешно продолжалась, и в их числе были Учителя, имена которых ещё никогда не предавались огласке, но с которыми я находился в тесном общении в те первые годы существования Теософского общества.

Позднее, когда я уже многое знал и о самом Братстве, и о характере сотрудничества с ним Е. П. Б., она многое рассказала мне о себе – в частности, о том, как год назад, в 1873 году, она приехала в Париж, собираясь пробыть там некоторое время у своей родственницы, проживавшей на Университетской улице. Однако в один прекрасный день она получила от Братьев категорический приказ отправляться в Нью-Йорк и ожидать там их дальнейших указаний.

²⁰ Дамодар Маволанкар, один из видных деятелей Теософского общества. Более подробно о нём см. ниже. – *Прим. перев.*

Елена Петровна Блаватская

Когда на следующий день она отплыла на пароходе, денег у неё оставалось лишь на то, чтобы оплатить кое-какие дорожные расходы. Она написала своему отцу письмо с просьбой прислать ей немного денег на имя российского консула в Нью-Йорке, но до поступления этих денег ей нужно было на что-то жить, а поскольку консул отказал ей в финансовой помощи, то ей пришлось устроиться на работу и самостоятельно зарабатывать себе на жизнь.

В то время, рассказывала она, ей приходилось снимать жильё в одном из самых бедных районов Нью-Йорка, на Мэдисон стрит, а зарабатывала она себе на жизнь тем, что изготавливала то ли галстуки, то ли искусственные цветы (сейчас уже точно не помню) у одного добросердечного лавочника-еврея. Впоследствии она всегда с благодарностью отзывалась об этом человеке. Однако она продолжала оставаться в полном неведении относительно собственного будущего, представлявшегося ей книгой за семью печатями.

Но уже год спустя, в октябре 1874 года, ей было велено отправиться в Читтенден и найти там человека, который, как впоследствии и оказалось, должен был стать её коллегой по общей великой работе, – то есть меня.

Близкие друзья Е. П. Б. также помнят её слова об этом внезапном отъезде из Парижа в Нью-Йорк, состоявшемся по приказу Братъев. Рассказ об этом приводит, например, А. П. Синнетт в своей книге «Случаи из жизни мадам Блаватской» (*Incidents in the Life of Madame Blavatsky*, с. 175). Есть и другие публикации на ту же тему. Дело в том, однако, что люди узнали обо всём этом лишь многие годы спустя, а потому её противники вполне могут заявить, что история эта – просто выдумка, ложь, состряпанная лишь для того, чтобы придать внешнюю стройность той комедии, которую она якобы сама же и сочинила про себя впоследствии.

Однако по счастливой случайности – если это была и в самом деле случайность – ко мне в руки, пока я пишу эти страницы, попал один ценный документ, который может послужить убедительным доказательством в этом вопросе. Не так давно к нам в Адьяр приезжала одна

американка, Анна Бэллэрд, маститая журналистка, всю свою жизнь состоявшая членом Нью-Йоркского пресс-клуба, которая в связи со своей профессиональной деятельностью познакомилась с Е. П. Б. в первую же неделю после её прибытия в Нью-Йорк.

В разговоре со мною мисс Бэллэрд в числе прочего упомянула и о двух важных обстоятельствах, которые я тут же попросил её описать на бумаге. Дело в том, что Е. П. Б., встреча с которой происходила в её убогой квартирке, рассказала журналистке, во-первых, о том, как она буквально в один день приняла решение уехать из Парижа в Нью-Йорк, и, во-вторых, о том, что ей довелось ранее побывать в Тибете. Вот как мисс Бэллэрд сама описывает эту встречу:

«Адьяр, 17 января 1892 года.

Дорогой полковник Олкотт! Моё знакомство с мадам Блаватской состоялось гораздо раньше, чем Вы можете предположить. Наша встреча произошла в июле 1873 года в Нью-Йорке, когда не прошло и недели после её прибытия в Америку. Я работала тогда штатным репортёром в газете «Нью-Йорк Сан» и получила задание написать статью о каком-нибудь российском подданном. Я как раз занималась сбором сведений на эту тему, когда кто-то из моих друзей сообщил мне о прибытии в страну одной русской дамы, и я отправилась прямо к ней. Там и состоялось наше знакомство, которое продолжалось затем несколько лет. Во время нашей первой беседы она рассказала мне о том, что вовсе не собиралась переезжать из Парижа в Нью-Йорк и решение о переезде она приняла лишь вечером накануне того дня, когда действительно отправилась на пароходе в Нью-Йорк. Однако она не сказала мне ни слова о том, что или кто её так торопил. Я совершенно отчётливо помню, с каким восторгом она во время беседы сказала: “А ведь я побывала в Тибете”. Отчего это событие было столь примечательным для неё, что представлялось ей гораздо более важным, чем все её поездки в Египет, Индию и другие страны, я тогда не поняла, но она выделила этот факт как особо значительный и говорила о нём с явным одушевлением. Теперь-то я, разумеется, понимаю, что она имела тогда в виду.

Анна Бэллэрд».

Даже если предположить, что Е. П. Б. и не обладала никаким даром предвидения, который подсказал бы ей, что девятнадцать лет спустя мне может понадобиться получить у приехавшей в Индию мисс Бэллэрд это письменное свидетельство, непредвзятый читатель всё же должен согласиться: то, о чём она рассказала в 1873 году своей первой знакомой в Нью-Йорке, служит убедительным подтверждением её последующего рассказа, ставшего достоянием широкого круга людей, относительно двух важнейших событий в истории её сотрудничества с теософским движением, а именно: (а) факт её обучения в Тибете и (б) факт переезда в Америку в поисках того человека, которого карма связала с нею ради реализации идеи создания этого общественного движения.

К тому времени она уже предприняла одну неудачную попытку учредить нечто вроде Духовного общества в Каире в 1871 году [см. Peebles²¹, *Around the World*, p. 215, а также *Sinnett's Incidents in the Life of Mme Blavatsky*, p. 158], взяв за основу именно сами феномены. Поскольку в то время у неё не нашлось подходящих людей, которые могли бы взять на себя задачу должной организации и руководства Обществом, то попытка эта потерпела полное фиаско и вызвала град насмешек в её адрес. Тем не менее те магические феномены, которые она производила с помощью всё того же копта и ещё одного Адепта, с которым я впоследствии вступил в обще-

²¹ James Martin Peebles, *Around the World* (1874). – Прим. перев. <http://www.historyoftheadeps.com/historyoftheadeps/?p=98>

ние, действительно потрясли воображение²². Совершенно очевидно, что это была безрассудная растрата психической энергии, предназначенная продемонстрировать либо собственную исключительность, либо руководящую волю божественных сил. Мне так до конца и не удалось понять эти мотивы.

Что же касается Теософского общества, то всё, что с ним происходило, указывает на его постепенную эволюцию под влиянием обстоятельств и результатов противоборства различных сил, позволявших ему то катиться по ровной дороге, то скатываться на обочину, то чувствовать себя благополучно, то переживать кризисы – в зависимости от того, насколько продуманными или непродуманными бывали действия его руководителей. Общее направление, в котором развивалось Теософское общество, никогда не менялось, и его руководящие принципы всегда оставались одними и теми же, хотя конкретные программы мероприятий подвергались значительным изменениям: они расширялись и совершенствовались по мере приобретения новых знаний и в зависимости от того, что нам подсказывал накапливаемый опыт.

Всё говорит за то, что наше движение как таковое было изначально спланировано наблюдающими за нами Мудрецами, а вот конкретные проблемы должны были преодолевать мы сами, в меру собственных сил и возможностей. Если бы мы потерпели неудачу, то нашлись бы другие люди, которым карма предоставила бы такой же шанс испробовать свои силы в этом деле, какой выпал и нам, ровно так же, как и мне самому выпало принять эстафету после неудачи с организацией каирской группы в 1871 году. Что же до приобретения новых знаний, то, вглядываясь в прошлое, я отчётливо замечаю, как всё шире становились мои собственные представления о мире, как всё глубже я понимал истину и всё лучше мог воспринимать и усваивать новые идеи. Об этом ясно свидетельствуют мои публикации и письма, относящиеся к 1875–1878 годам. Когда я был ещё ребёнком (в оккультизме), то и говорил как ребёнок – зачастую догматично, как это и случается с новичками.

²² См. статью в журнале «Попьюлар Мэгэзин» Фрэнка Лесли за февраль 1892 г., иллюстрированную фальшивыми гравюрами, но содержащую, однако, и ряд подлинных фактов, перемешанных с вымыслом. Автор статьи доктор А. Л. Росон (A. L. Rawson) рассказывает об этой неудачной «попытке создать общество оккультных исследований» в Каире и сообщает о том, что «знаменитый маг-копт Паулос Метамон, написавший несколько крайне любопытных книг, полных астрологических формул, магических заклинаний и гороскопов, которые он любил демонстрировать своим посетителям *после предварительного объяснения*», рекомендовал ей отложить на время идею создания Общества. По словам доктора Росона, она (Е.П.Б.) рассказывала графине Казиновой, «что ей наконец-то удалось разгадать по крайней мере одну из тайн Египта, и в доказательство этого она выпустила живую змею из сумки, спрятанной в складках своего платья». Как сообщал один из каирских очевидцев, где бы она ни находилась, всюду вокруг неё происходили самые поразительные феномены. Например, с одного стола на другой могла перелетать по воздуху настольная лампа, словно её переносила с места на место чья-то невидимая рука, или всё тот же таинственный копт мог вдруг исчезнуть с дивана, на котором только что сидел, и происходило множество других чудесных явлений. Сегодня всё это уже перестало быть чудесами, поскольку наука доказала нам возможность ингибиции (торможения) органов зрения, слуха, осязания и обоняния с помощью обычного гипнотического внушения. Несомненно, именно ингибиция и вызывала эффект исчезновения копта и перемещения с места на место лампы: присутствующим разрешалось видеть, как лампа перемещается в пространстве, но не позволялось замечать человека, своей рукой переносившего с одного места на другое эту самую лампу. Е. П. Б. называла это «психологическим трюком», но ведь это – реальный факт, представляющий несомненный интерес для науки. Учёные подтверждают факт ингибиции, но при этом расписываются в полном непонимании механизма данного явления. «Каким образом, – пишут доктора Бине и Фере в своей знаменитой книге «Животный магнетизм» (*Le Magnetisme Animal*), – экспериментатору удалось произвести этот любопытный феномен? Нам это совершенно неизвестно. Нам доступна лишь внешняя сторона этого явления, и мы знаем, что, когда восприимчивому к внушению субъекту сообщает, будто какого-то присутствующего рядом с ним предмета якобы в действительности не существует, то это внушение начинает прямо или косвенно действовать, вызывая в мозгу у гипнотизируемого отсутствие чувствительности по отношению к указанному предмету. Но что за процесс происходит между вербальным внушением, которое служит здесь средством воздействия, и возникновением нечувствительности к конкретному предмету, являющейся конечной целью?.. Законы ассоциации, которые служат нам прекрасным подспорьем при решении психологических проблем, в данном случае перестают действовать совершенно». Как мне искренне жаль этих учёных, делающих лишь самые первые шаги в исследовании подобных явлений! Они не понимают того, что действие ингибиции обращено на *астрального человека*, и восточные маги достигают высочайшего мастерства в демонстрации «психологических трюков» лишь потому, что гораздо лучше знакомы с психологией и умеют влиять на того никому не видимого «наблюдателя», который молча взирает на наш бесполокый иллюзорный мир из окон своего тела. Ингибиция «телефонов»-нервов, то есть обрыв «телеграфных проводов», прекращает восприятие любой информации извне.

В те первые дни нашего знакомства с Е. П. Б. я никогда не слышал от неё ничего такого, что заставило бы меня предположить, будто она могла хоть что-то знать (до того момента, как была направлена в Читтенден) о нашем будущем сотрудничестве или о грядущем создании Теософского общества. Как я сказал выше, мы знаем из её собственных слов о том, что она была направлена из Парижа в Нью-Йорк во имя укрепления спиритуализма – спиритуализма в самом высоком значении этого слова. И до нашей встречи она посещала сеансы и водила знакомство с медиумами, но никогда не оказывалась в центре общественного внимания.

В мае 1875 года я попытался по согласованию с нею организовать в Нью-Йорке частный комитет под названием «Клуб чудес», который занимался бы расследованием случаев, связанных с различными феноменами. Вот что пишет об этом она сама (Scrap book, vol. I):

«Попытка действовать во исполнение указаний, полученных от Т*В* (одного из Учителей²³) через Р. (элементала) в лице Джона Кинга. Приказано начать говорить публике правду о феноменах и их медиумах. Теперь-то и начнутся мои мучения! Против меня ополчатся не только христиане и скептики, но и все спиритуалисты. Да исполнится воля твоя, о М.! Е.П.Б.»

Согласно нашему плану, мы должны были закрыть двери для всех любопытствующих, кроме членов Клуба, которым запрещено было разглашать даже место наших собраний. «Все феномены, включая материализации, должны происходить при свете и вне шкафов» [*Spiritual Scientist*, May 19, 1876]. Судя по вышеприведённым словам Е. П. Б., было похоже на то, что никакого Теософского общества не возникло бы вообще, – повторяю, было похоже на то, – если бы выбранная ею кандидатура в медиумы Клуба чудес не подвела нас и не позволила мне довести до конца наш план.

²³ Туитит Бей. См. «Письма Учителей Мудрости», письмо № 38, направленное Г. Олкотту. – Прим. перев.

Медцм в состоянии транса.

В книге А. П. Синнетта я наблюдаю удивительное совпадение: в Нью-Йорк она прибыла 7 июля 1873 года – то есть в *седьмой* день *седьмого* месяца, на её сорок втором году жизни (6 x 7), но её встреча со мною была отложена, покуда мне также не исполнилось сорок два года. И, забегаю вперёд, я должен отметить, что и умерла она в седьмой месяц на семнадцатом году нашего сотрудничества на ниве теософии. Здесь же следует упомянуть и тот факт, о котором я недавно писал в «Теософисте»: Анни Безант приехала просить Е. П. Б. принять её в члены ТО. в седьмой месяц на семнадцатом году после её окончательного разрыва с христианской церковью. Таким образом, возникает целая цепочка совпадений, которая даёт богатую пищу для размышления.

Глава 2

Мадам Блаватская в Америке

В своих архивах я обнаружил письмо ещё от одной приятельницы Е. П. Б., с которой Е. П. Б. была знакома задолго до своей встречи с мисс Бэллэрд, но существование этого письма начисто вылетело у меня из памяти. Если с мисс Бэллэрд познакомилась в первую же неделю своей жизни в Нью-Йорке после прибытия из Парижа, то доктора Маркет – так звали ту даму – она знавала ещё по Парижу. Знакомство их случилось задолго до того, как Е. П. Б. вступила на свой долгий и славный путь, который пока завершился для неё в вокингском крематории в 1891 году, но который ей ещё предстоит продолжить, идя по нему всё дальше и дальше вперёд – *per aspera ad astra*²⁴. В своём откровенном письме, принадлежащем перу образованного человека, врача по профессии, она даёт отповедь грязным намёкам на то, что Е. П. Б. якобы вела разгульный образ жизни во французской столице в 1873 году. С доктором Маркет я был лично знаком в Нью-Йорке, и, насколько мне известно, сегодня её уже нет с нами. Так вот в своём письме она говорит следующее:

«Нью-Йорк, 26 декабря 1875 года.

Милостивый государь,

В ответ на Ваши вопросы должна сообщить Вам о том, что я познакомилась с Е. П. Б. в Париже в 1873 году. В то время она жила апартаментах²⁵ на Рю дю Пале, где также проживали её брат, М. Ган, и близкий друг её брата, М. Лекё. Виделась я с ней тогда почти ежедневно – собственно говоря, я проводила с нею практически всё своё свободное время, когда не была занята работой в больницах или не должна была присутствовать на лекциях. Поэтому о её образе жизни я могу судить на основании самых твёрдых фактов. С огромной радостью я могу заявить Вам, что образ жизни её был безупречным и делавшим ей честь во всех отношениях. Всё своё время она проводила за мольбертом и за письменным столом и весьма редко выходила из своей комнаты. Общалась она мало, и из её знакомых я могу назвать лишь супругов Леймари. Мадам Блаватскую я почитаю за самую достойную и интересную даму, какую только мне доводилось встречать в своей жизни. А после моего возвращения из Франции мы возобновили и наше знакомство, и наши дружеские отношения.

С искренним уважением, Л. М. Маркет, доктор медицины».

В предыдущей главе мы уже упоминали о том, что из Парижа в Нью-Йорк она отправилась по приказанию Учителей, о котором узнала в последнюю минуту, и отъезжать ей пришлось буквально с пустыми руками – денег едва хватило лишь на билет.

В связи с этой поездкой мне на память приходит один рассказанный ею случай, который ярко характеризует одну из черт её разностороннего характера – склонность к приступам самой бескорыстной щедрости. В тот день она приобрела билет первого класса на пароход, отплывавший из Гавра в Нью-Йорк, и отправилась на пристань, то ли для того, чтобы посмотреть на пароход, то ли чтобы уже отправиться на нём в путь, но в этот самый момент её внимание привлекла какая-то женщина-крестьянка, которая сидела прямо на земле и горько рыдала, а около неё крутилось несколько детей. Разговорившись с ней, Е. П. Б. выяснила, что женщина

²⁴ Через тернии к звёздам (лат.). – Прим. перев.

²⁵ «Апартаменты» означают здесь не как у нас, одну лишь комнату, а несколько соединённых друг с другом комнат, включающих в себя гостиную, столовую и спальни, а также кухню и помещения для прислуги.

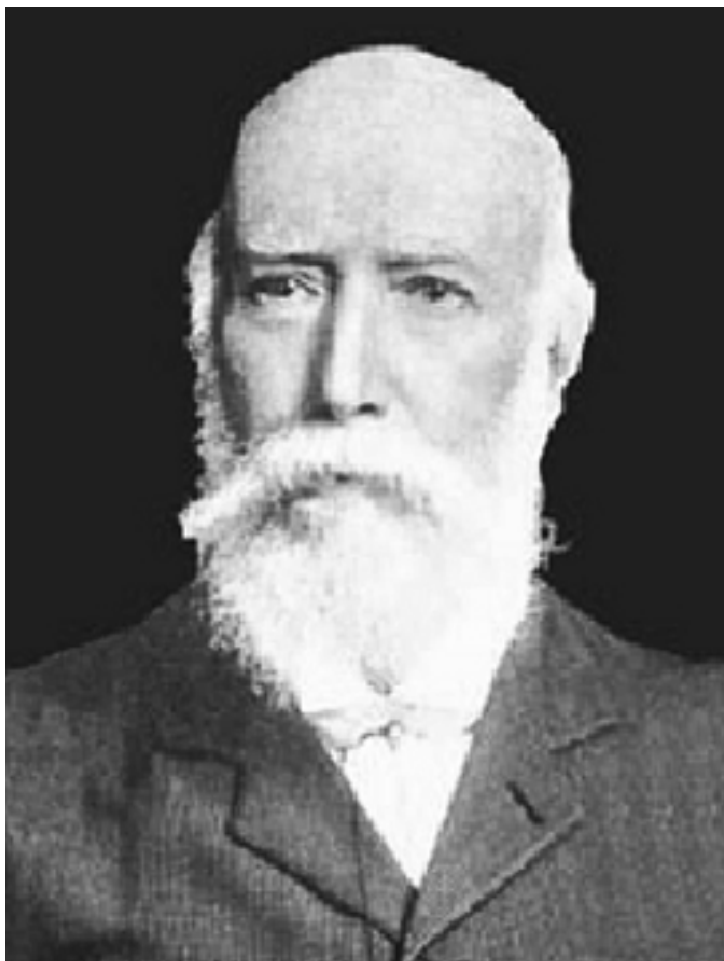
эта была родом из Германии и что она направлялась к своему мужу, который уже находился в Америке, но один из тех мошенников, что охотятся за эмигрантами, продал ей в Гамбурге фальшивые билеты на пароход, и теперь она осталась без копейки денег и пребывала в самом отчаянном положении. Пароходство, разумеется, ничем ей помочь не могло, а в Гавре у неё не было ни знакомых, ни родных, чтобы помочь ей в этой беде. И тут сердце нашей великодушной Е. П. Б. дрогнуло, и она сказала:

– Ничего, добрая женщина, я попробую что-нибудь придумать для вас.

Вначале она безуспешно пыталась направить весь заряд своей силы убеждения на ни в чём не повинного агента компании, стараясь пробудить в нём жалость к бедняжке, но в конце концов вынуждена была пойти на крайнюю меру – поскольку сама тогда осталась почти без денег. Она обменяла свой билет в салон для пассажиров первого класса на один билет третьего класса для себя, а на разницу купила билеты всё того же третьего класса для женщины и её детей!

В жизни Е. П. Б. встречалось немало так называемых «приличных» и «добропорядочных» людей, которые нередко закатывали в ужасе глаза от бесцеремонных выходок Е. П. Б., ведь из уст её порой могло вырваться и богохульство. Но мне всё же думается, один-единственный благородный поступок вроде того, что совершила она, способен с лихвой списать с бухгалтерской книги человечества дюжину страниц, несущих на себе перечень нарушений великосветских манер! А если кто-то в этом усомнится, то пусть попробует на себе, что это такое: плыть в трюме третьего класса парохода, до отказа заполненного эмигрантами.

Мы уже видели, каким образом мисс Бэллэрд разыскала Е. П. Б., которая в то время обитала в жалком многоквартирном доме на одной из улиц нью-йоркского Ист-Энда в ожидании поступления денег из дома и честно зарабатывала себе на жизнь шитьём мужских галстуков. Это случилось в июле 1873 года. Но уже в октябре того же года умер её любимый, всё понимавший и всё терпевший отец, и 29-го числа она получила телеграмму от своей сестры Элизы из Ставрополя с этой печальной вестью и с извещением о том, что от отца ей досталось наследство, а ей выслан денежный перевод на одну тысячу рублей. [Эта телеграмма и сейчас лежит перед моими глазами, пока я пишу эти строки]. В положенный срок эти деньги дошли до неё, и она сменила своё убогое жилище на более благополучные районы Нью-Йорка: Юнион Сквер, Восточную 16-ю улицу, Ирвинг-плейс и другие. Вот там-то, на Ирвинг-плейс, я и наве- стил Е. П. Б. по возвращении с фермы Эдди.

Альфред П. Синнетт

Деньги, однако, никогда не задерживались у неё в руках. Как отмечает в своей книге А. Синнетт, она могла совершенно безропотно переносить любые тяготы и нужду, но едва лишь у неё в руках оказывались деньги, как её тут же охватывало какое-то необоримое желание потратить их налево и направо с полным безрассудством, и в эти минуты она ощущала себя по-настоящему счастливой.

У меня в распоряжении имеется один документ, который настолько ярко иллюстрирует эту мысль, что я не могу его не процитировать. Это договор, начинающийся следующими словами: «Устав товарищества, заключённый двадцать второго числа июня месяца одна тысяча восемьсот семьдесят пятого года между К... Ж...²⁶, с одной стороны, и Еленой Блаватской – с другой, на предмет того, что:...». Пункт 1 этого договора гласит, что товарищество создаётся «в целях обработки земельных угодий, расположенных в Н. – , округ —, Лонг-Айленд», и являющихся собственностью К. Ж. Пункт 2 гласит: «Вышепоименованное товарищество вступает в действие с первого числа июля месяца 1874 года и будет действовать в течение трёх лет». Согласно же пункту 3, К.Ж. передаёт земельные угодья в пользование товариществу в качестве компенсации за выплаченную со стороны Е. П. Б. сумму в размере одной тысячи долларов. В пункте 4 говорится о том, что «вся выручка от продажи зерна, птицы, овощей и иной продукции, произведённой на вышепоименованных земельных угодьях, подлежит распределению в равных долях, как и издержки на её производство». И, наконец, пункт 5 закрепляет права

²⁶ Договор Е. П. Б. был заключён с некой Клементиной Жеребко. См. *Collected Writings, vol. I, p. LI.*

собственности на угоды за К. Ж. Документ этот скреплён всеми положенными печатями, подписан сторонами и свидетелями, и ему присвоен соответствующий регистрационный номер.

Как и следовало ожидать, результат этой сделки оказался самым плачевным: Е. П. Б. переселилась на эту ферму, никакой выручки она не получила, вспыхнул скандал, она влезла в долги, а самой Е. П. Б. вкатили судебный иск, с которым ей удалось разделаться лишь с помощью друзей долгое время спустя. После этого ей пришлось навсегда распрощаться со своими сельскохозяйственными мечтами – разбогатеть на торговле овощами, птицей, яйцами и т. д.: три месяца спустя произошла наша встреча на вермонтской ферме братьев Эдди, и колёса нашей военной колесницы покатались предопределённым свыше курсом по нижним слоям Акаши!

В ноябре 1874 года я получил от неё письмо, которое она подписала как «Джек, индейский карапуз», и в этом письме она просила меня подыскать для неё литературный заказ: она готова была писать «страшные» рассказы для одного журнала, так как чувствовала, что скоро опять «сядет на мель». В нём же она поведала мне и шутиливую историю своего рода по отцовской и материнской линиям, и при всей демократичности её тона она ясно давала понять, что имеет все основания гордиться своим происхождением. Рассказала она и о том, как интервьюировали её журналисты из «Дэйли Грэфик», как расспрашивали о её странствиях и умоляли подарить им свой портрет. Поскольку по миру блуждают тысячи разных её изображений, хочу ради смеха процитировать пару фраз, в которых она рассказывает о своём первом испытании такого рода:

«И знаешь, эти молодцы из “Грэфик” чуть не свели меня в могилу своими просьбами подарить им мой портрет... Кажется, они готовились устроить какую-то сенсацию и потому уцепились за мой благородный нос и мои трепетные губы... Я им прямо сказала, что природа наградила меня самым обыкновенным носом картошкой, но это не значит, что я позволю им шутить над ним, пусть даже он также растительного происхождения. В ответ они с самым серьёзным видом принялись отрицать сей очевидный факт и рассмешили меня не на шутку. Ты же знаешь, *celui qui rit est desarme*»²⁷.

Был в то время в Нью-Йорке известный врач, доктор Биэрд, который, прочитав мои репортажи в «Грэфик», сам отправился в Читтенден. Вернувшись оттуда, он выступил с самоуверенным и глупейшим заявлением о том, что призраки на ферме Эдди – обыкновенное мошенничество. В ответ на это Е. П. Б. 27 октября написала, а 30-го опубликовала в «Грэфик» своё письмо, в котором разгромила заявление Биэрда в пух и прах, не оставив на авторе живого места. В этом своём письме она с такой смелостью и с таким блеском защищала медиумов Эдди, а её свидетельство о том, что в семерых «призраках» она признала некогда живших людей, было столь убедительным, что она тут же оказалась в адском пламени общественного внимания, которое с тех пор не оставляло её в покое до конца жизни. Впервые в те дни её имя громко зазвучало во всей Америке в связи с всеобщим интересом к нераскрытым тайнам психологии, тогда как моё собственное упоминание в «Грэфик» о её приезде в Читтенден, если я не ошибаюсь, появилось позже. Как бы то ни было, но её схватка с доктором Биэрдом стала главной причиной её внезапной известности.

То, как она говорила и писала в те дни, было исполнено такого задора, такой разоружающей непосредственности и такого дружелюбия, что блестящий её ум, презрение к условностям и вся эта её «бесцеремонность» невольно очаровывали всех вокруг, поражая каждого мощью её психологического воздействия. Тогда её ещё не окружал ореол блестяще эрудированного автора «Разоблачённой Изиды», но уже в те дни она бесконечно черпала из кладовых своей памяти не только нескончаемые рассказы о тех опасностях, с которыми лично встречалась в

²⁷ Кто смеётся – тот безоружен (франц.). – Прим. перев.

своих путешествиях, но и знания об оккультных науках, а в этой области, насколько я могу судить, ей в Америке не было равных, а тем более превосходивших её своими познаниями.

В то время она была совершенно другим человеком, ничуть не похожим на ту, какой её знали позже, когда она уже целиком отдалась главному делу своей жизни, а все предыдущие годы служили лишь подготовительными классами для этого. Да, та Е. П. Б., о которой я сейчас пишу, с которой меня связывали самые тесные узы дружбы, в отношениях с которой мы действовали абсолютно на равных, из которой фонтаном била бодрость духа и которой ничто не приходилось так по душе, как смешная песенка или анекдот, резко отличалась от Е. П. Б. индийского или лондонского периода, а тем более самых последних лет её жизни, когда она превратилась уже в интеллектуального колосса.

Но, изменившись во многом, она осталась прежней в одном: в выборе друзей и единомышленников. Мне кажется, будто она как на ладони видела перед собой внутренние «я» и мужчин, и женщин, но оставалась совершенно слепа к слабостям или подлостям, проявляемым их внешними телесными оболочками. Точно так же, как она напропалую разбрасывалась деньгами, отдавая их даже лицемерным негодяям, которые являлись к ней в дом и лгали ей прямо в глаза, так она могла на короткое время близко сходитья и с самыми недостойными личностями. Она доверялась то одному, то другому, и на сегодня такой человек мог вдруг стать в её глазах ангелом во плоти, хотя уже завтрашний день приносил ей, как правило, лишь разочарование и горькое чувство отвращения. Благоразумия, однако, хватало ей ненадолго, и затем всё повторялось сызнова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.